РУССКАГО

НА АѲОНѢ

ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Іеромонахъ Арсеній.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ПОСВЯЩАЕМЫЙ ПОЧИТАТЕЛЯМЪ ПАМЯТИ ПОЧИВШАГО МУЖА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЛОВА И РѢЧИ

СКАЗАННЫХЪ ПРИ ЕГО ПОГРЕБЕНІИ.

МОСКВА.
Типографія И. Ефимова большая Якиманка д. Смирновой.
1881.

ваших св. молитв и благословенія, убогій Онисимъ».

По открытіи и освященіи часовни, — думалъ было о. Арсеній просить своихъ старцевъ снять съ него послушаніе служенія при часовнѣ и дозволить ему возвратиться на св. Аѳонъ, по которомъ постоянно тосковала душа его, тѣмъ болѣе, что зрѣніе и ноги его стали ослабѣвать: но Господь, вѣдающій сущія Своя, судилъ ему иначе. Старцы не только не сняли съ него послушанія при часовнѣ, но дали ему еще другое послушаніе, еще болѣе трудное и на болѣе отдаленномъ уголкѣ Россіи, именно поручили ему пріискать на Кавказѣ мѣсто, гдѣ бы могла быть устроена иноческая обитель, служащая, какъ бы нѣкіимъ новосажденіемъ Русскаго Пантелеимонова монастыря съ соблюденіемъ его же иноческаго устава и съ первоначальнымъ водвореніемъ въ ней нѣкоторыхъ лицъ изъ его же братіи. Цѣлію устроенія такой обители было просвѣщеніе православно-христіанскою вѣрою тамошнихъ туземцевъ и обученіе ихъ мальчиковъ православно-христіанскому Богословію и прочимъ наукамъ съ тѣмъ, чтобы, по времени обученія, достойные изъ

нихъ въ средѣ своей могли бы быть священниками и, вслѣдствіе того, послужили бы началомъ возженія и распространенія свѣта Христова, яснѣе сказать, были православными миссіонерами своего, сидящаго во тьмѣ и сѣни смертной, «края».—Цѣль сія вполнѣ гармонировала съ духовными потребностями о. Арсенія, вся послушническая дѣятельность котораго доселѣ, какъ мы видѣли, и проходила въ распространеніи и чрезъ устное слово и чрезъ печать ученія христіанскаго и любви евангельской. И всегда покорный волѣ старцевъ своихъ, какъ волѣ Божіей, могъ ли онъ отказаться отъ новаго, возлагаемаго на него послушанія, тѣмъ болѣе, что въ семъ послушаніи вполнѣ удовлетворялся мощный духъ его?—И онъ съ обычными ему жаромъ и энергіею принялся за новое дѣло и Господь, видимо, благоволилъ къ нему. Вскорѣ нашелъ онъ весьма удобное мѣсто для обители, именно въ Абхазіи близъ Сухума, гдѣ стоялъ разрушенный храмъ во имя св. Апостола Симона Кананита. О превращеніи храма сего въ обитель Ново-Аѳонскую Симоно-Кананитскую, въ 1875 году, по мысли о. Ар-

сенія, и подано было старцами Русскаго Пантелеимонова монастыря прошеніе на имя Его Императорскаго Высочества, великаго князя Михаила Николаевича, намѣстника Кавказскаго. Прошеніе сіе, къ несказанной радости о. Арсенія, увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ, и что же? Въ теченіи года, при помощи благотворителей, онъ успѣлъ уже въ новосозидаемой обители устроить церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, а также построить келліи для нѣсколькихъ братій, присланныхъ къ нему съ Аѳона изъ Пантелеимонова монастыря, и училище для мальчиковъ тамошнихъ туземцевъ, которыхъ и набралось до 20 человѣкъ; одинъ изъ нихъ, магометанинъ, вскорѣ, былъ просвѣщенъ св. православною вѣрою и окрещенъ.

Мысль о просвѣщеніи свѣтомъ Христовымъ язычниковъ и магометанъ, населяющихъ Абхазію, гдѣ созидалась новая обитель, заняла всецѣло о. Арсенія; онъ придумывалъ лучшіе способы спасительнаго воздѣйствія на нихъ и свои соображенія отдавалъ на судъ опытныхъ болѣе или менѣе миссіонеровъ. Въ бумагахъ, оставшихся по смерти о. Арсенія,

нашли мы письмо къ нему, какъ тамъ выше было упомянуто, протоіерея г. Кульджи, Семирѣчинской области, Михаила Путинцева отъ 29 іюля 1876 года. Изъ письма сего видно: какъ озабоченъ былъ о. Арсеній миссіею Христовою. И такъ какъ письмо это богато свѣдѣніями, по дѣлу обращенія язычниковъ и магометанъ, то мы сочли долгомъ привести его здѣсь вполнѣ, уповая на благосклонность достопочтеннаго автора его, о. протоіерея. Миссіонерскія свѣденія, сообщаемыя въ семъ письмѣ, почемъ знать? пригодятся, можетъ быть, многимъ и многимъ.

Вотъ это письмо: «Ваше высокопреподобіе, всечестнѣйшій и многоуважаемый батюшка отецъ Арсеній! Христосъ посредѣ насъ! Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20-го іюня изъ Сухумъ-Кале здѣсь получено въ самый праздникъ св. Великомученика Пантелеимона, а сегодня я поспѣшаю отвѣчать на него. Душевно благодарю васъ за это письмо, за свѣденія, въ немъ сообщаемыя, за обѣщаніе выслать мнѣ св. иконы и вещицы Аѳонскія, а также карточку вашу, и равно за согласіе на мою просьбу вести со мною переписку. Про-

стите, Бога ради, честнѣйшій отецъ, что я обременяю васъ, при вашихъ многочисленныхъ занятіяхъ и трудахъ, перепискою со мною. Будьте добры, не стѣсняйтесь нисколько писать мнѣ кратко, я и за это весьма буду благодаренъ, а также не стану роптать, если не скоро буду имѣть отвѣтъ отъ васъ. Я понимаю, что при вашихъ часто-временныхъ и продолжительныхъ странствованіяхъ, при множествѣ дѣлъ, трудно вести правильную, частую переписку, когда вѣроятно у васъ и эта переписка значительна. Дай вамъ Богъ съ успѣхомъ совершить св. дѣло устроенія на Кавказѣ иноческой обители. Св. Апостолъ Симонъ Кананитъ, св. Великомученикъ Пантелеимонъ, при предстательствѣ Царицы небесной, да помогутъ вамъ въ дѣлѣ просвѣщенія вѣрою Христовою полудикихъ сосѣдей новой обители. Согласно желанію вашему, представляю, въ главныхъ чертахъ, общій способъ проповѣди Евангелія здѣшнимъ туземцамъ, но считаю долгомъ оговориться, что и самъ я еще недавно вступилъ на подвигъ апостольскаго служенія, самъ не весьма еще опытенъ въ этомъ великомъ дѣланіи; впрочемъ, что

знаю и испыталъ, какъ полезное, тѣмъ и подѣлюсь. Мнѣ приходится болѣе дѣйствовать между язычниками, затѣмъ уже между магометанами только частію. Съ язычниками, обыкновенно, начинаю бесѣду прямо съ ихъ идоловъ, стараясь убѣдить ихъ, что это бездушныя вещи, не могущія ни двигаться, ни говорить, ни помощи какой оказать человѣку, который самъ ихъ и дѣлаетъ; поэтому не дѣлающіе идоловъ люди должны поклоняться имъ, а идолы людямъ, какъ творцамъ своимъ. Этотъ аргументъ, развиваемый съ подробностями и примѣнительно къ случаю, къ окружающей обстановкѣ, часто имѣетъ благодѣтельное дѣйствіе на умы слушателей, которые быстро соображаютъ и понимаютъ сущность дѣла. Затѣмъ, обыкновенно, перехожу къ разсказу о томъ, какъ вѣруемъ мы, христіане, въ краткихъ и простыхъ словахъ развиваю предъ слушающими ученіе о истинномъ Богѣ, Св. Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, грѣхопаденіи первыхъ людей, наказаніи за грѣхъ, обѣщаніи Спасителя, рожденіи Его, жизни на землѣ, ученіи, проповѣди, страданіяхъ, воскресеніи, вознесеніи на небо, объ участи ожи-

дающей за гробомъ праведныхъ и грѣшныхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ собесѣдованій бываетъ иногда добрый успѣхъ. Съ магометанами бесѣдовать гораздо труднѣе. Не знаю, каковы магометане, съ коими придется бесѣдовать вамъ, батюшка, на Кавказѣ, а въ нашемъ краѣ магометане, подстрекаемые своими муллами и хаджами, чрезвычайно фанатичны, чаще всего вовсе уклоняются отъ разговоровъ съ миссіонеромъ о религіи. Мнѣ еще мало приводилось имѣть дѣло съ ними, такъ какъ все вниманіе пока обращено нами на язычниковъ, болѣе способныхъ къ воспріятію евангельскаго ученія. При случившихся собесѣдованіяхъ съ магометанами, я старался навести ихъ на ту мысль, что и они и мы исповѣдуемъ одного и того же истиннаго Бога, что разсказы ихъ религіи о сотвореніи міра и человѣка, и праотцахъ и т. под. во многомъ согласны съ нашею Библіею, но что ихъ лжепророкъ Магометъ исказилъ эти разсказы изъ своихъ выгодъ, что Іисусъ Христосъ, почитаемый и магометанами за великаго пророка есть истинный Богъ, воплотившійся отъ Пре-

святыя Дѣвы Маріи, жившій на землѣ, давшій людямъ истинное ученіе, страдавшій и умершій для искупленія человѣковъ, и воскресшій въ 3 день, а потомъ вознесшійся на небо. За тѣмъ раскрываю преимущества евангельскаго ученія предъ чувственнымъ ученіемъ Магомета, величіе нашего богослуженія и мрачность служенія ихъ. Но по большей части, люди эти глухи бываютъ къ словамъ истины. И только одна магометанка просвѣщена здѣсь св. крещеніемъ, во все 5-ти лѣтнее существованіе миссіи въ Кульджѣ. Нужно замѣтить что здѣшніе, т. е. Кульджинскіе магометане, кромѣ того, что фанатичны въ религіозномъ отношеніи, пока еще не вполнѣ довѣрчиво относятся къ русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ. Для миссіонерства среди ихъ не настало еще время: «не у пріиде часъ». Язычники же, особенно калмыки, народъ весьма добрый, простой, преданный русскимъ, освободившимъ ихъ отъ тяжелой, деспотической власти магометанъ, именно султана Таранчинскаго, во владѣніи котораго до 1871 года былъ Кульджинскій край. Поэтому на язычниковъ удобнѣе дѣйствовать. Изви-

ните, достопочтеннѣйшій батюшка, отецъ Арсеній, за то, что не много могу сообщить вамъ практическихъ совѣтовъ въ дѣлѣ миссіонерскомъ. Общій способъ миссіонерскихъ собесѣдованій вообще можно указать тотъ, который я выше изложилъ, но онъ долженъ разнообразиться, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, къ состоянію умственному и нравственному слушателей, а также къ обстоятельствамъ и времени собесѣдованія, въ чемъ пасъ, слабыхъ проповѣдниковъ, вразумитъ Богъ, великое имя Котораго мы по силѣ своей проповѣдуемъ».

За симъ о. протоіерей продолжаетъ,—на что обращаемъ особенное вниманіе миссіонеровъ. «И мысль ваша объ изданіи картины страшнаго суда Божія,—прекрасна, ибо справедливо ваше мнѣніе, что на умы грубые, младенчествующіе сильнѣе дѣйствуетъ наглядность. Хорошо и разумно исполненная эта картина можетъ принести много пользы въ дѣлѣ христіанской миссіи. Но охотно ли будутъ брать такую картину къ себѣ магометане, законъ которыхъ строго запрещаетъ имѣть всякія изображенія, даже портреты? По крайней мѣрѣ Кульджинскіе магометане строго исполняютъ это запрещеніе. Но, полагаю, испытать этотъ способъ слѣдуетъ. Если бы изданіе предполагаемой вами картины осуществилось, то и я бы купилъ нѣсколько ея экземпляровъ для язычниковъ. Съ удовольствіемъ буду я ожидать отъ васъ, батюшка, свѣдѣній объ устрояемой вами обители на Кавказѣ, а также о миссіонерскихъ вашихъ дѣйствіяхъ. Подай вамъ, Господи, добраго успѣха, во славу св. Церкви! Испрашивая св. молитвъ вашихъ и пожелавъ вамъ отъ Господа всѣхъ милостей, съ чувствомъ искренняго уваженія остаюсь вашего высокопреподобія всегда усердный сомолитвенникъ, протоіерей Михаилъ Путинцевъ».

Приведенное нами письмо Кульджинскаго о. протоіерея, по всей вѣроятности, сильно обрадовало о. Арсенія, какъ богатое тѣми опытными миссіонерскими свѣдѣніями, которыхъ онъ добивался. Таковъ былъ о. Арсеній!— Онъ не довольствовался одною тѣсною, узкою, только формальною стороною каждаго принятаго имъ на себя дѣла. Нѣтъ, каждое дѣло онъ близко принималъ къ своему сердцу,

охватывалъ его мощнымъ своимъ духомъ со всѣхъ сторонъ, взиралъ на него чрезъ призму широкой любви евангельской. Такъ мы видѣли, только еще начинала устрониваться Новоаѳонская на Кавказѣ обитель, много еще заботъ предстояло о. Арсенію по ея устроенію: о. Арсеній, не довольствуясь симъ, смотритъ вдаль, изыскиваетъ лучшіе способы къ просвѣщенію свѣтомъ Христовымъ язычниковъ и магометанъ и переписывается съ этою цѣлію съ опытными миссіонерами. Не забудемъ, при дѣлѣ устроенія на Кавказѣ обители, о. Арсеній не оставлялъ прежняго своего послушанія при Аѳонской часовнѣ. И мы не мало удивлялись: какъ могъ онъ вездѣ поспѣть, какъ умѣлъ вездѣ распорядиться, всему дать надлежащій строй и тонъ! Иногда, случайно завидѣвъ его въ келліи, только что прибывшаго съ Кавказа, или изъ Петербурга, Тулы и Одессы, куда влекли его разныя монастырскія дѣла, думаешь: не почиваетъ ли онъ, или не сильно ли утомленъ? Входишь и удивляешься. О. Арсеній какъ бы и не ѣздилъ никуда, по прежнему сидитъ за столомъ и пишетъ: о какой либо усталости нѣтъ и помину: по прежнему даетъ разныя приказанія и дѣлаетъ распоряженія, по прежнему трактуетъ о духовно-назидательныхъ статейкахъ. Зная, что онъ недавно прибылъ съ долгаго путешествія, стараешься, бывало, поскорѣе уйти отъ него, изъ боязни, какъ бы его не обезпокоить. Нѣтъ, о. Арсеній по прежнему не отпускаетъ, пока не выскажетъ всего, что ему нужно. «Да вы, батюшка»,—бывало скажешь ему,—«очень устали навѣрное, потому позвольте ужъ въ слѣдующій разъ къ вамъ придти».—«А Господь то!»—отвѣтитъ онъ,—или просто скажетъ, что онъ нисколько не усталъ, что о дѣлѣ Божіемъ онъ всегда готовъ говорить, что дѣла Божіи откладывать нельзя, при скоротечности нашей жизни. Нельзя было не примѣтить, что огнь духовной ревности горѣлъ въ душѣ его сильнымъ пламенемъ, что ясно отпечатлѣвалось въ глазахъ его быстрыхъ, насквозь, какъ бы, проникающихъ и въ скорой, непрерывающейся его рѣчи. «Удивительный былъ человѣкъ!» передавалъ о немъ почетный гражданинъ Тулы, Иванъ Ивановичъ Сушкинъ. «Бывало, видишь его усталымъ и просишь его въ Тулѣ у меня переночевать. Нѣтъ, ни

за что не согласится. Дѣла,—скажетъ, меня въ Москвѣ ждутъ».—Вотъ ужъ праздно ни одной минуты у него не проходило»,—заключилъ свой разсказъ г. Сушкинъ.

Въ различныхъ скорбяхъ душа христіанина, по слову Свящ. Писанія, — «яко злато въ горнилѣ очищается». И на долю о. Арсенія въ исполненіи его благихъ предпріятій выпали не малыя скорби. Такъ, по причинѣ возгорѣвшейся войны Россіи съ Турціею, наступили дни злые для ново-устрояемой на Кавказѣ иноческой обители. Предначатыя работы по ея устроенію должны были пріостановиться и населившіе ее Аѳонскіе иноки должны были разойтись, одни въ болѣе отдаленный отъ берега Чернаго моря монастырь, а другіе на санитарную службу къ раненымъ и больнымъ воинамъ въ Тифлисѣ и на театръ военныхъ дѣйствій. Не только Новоаѳонская обитель, но и самый Русскій на Аѳонѣ Пантелеимоновъ монастырь находились въ опасности отъ свирѣпства фанатичныхъ Турокъ. Какъ это все печалило пылкаго и энергичнаго дѣятеля Божія! Но онъ, самъ учившій другихъ и устно и чрезъ печать терпѣнію и

упованію на Промыслъ Божій, не предавался пагубному унынію, въ твердой надеждѣ, что дѣло ново-созидаемой имъ обители, какъ дѣло Божіе, не пропадетъ. И твердое упованіе его на Господа Бога не обмануло его. Грозныя вопиственныя облака прошли, милостію Божіею, безвредно и для св. Аѳона и для ново-созидаемой обители, которую требовалось только возстановить послѣ разгрома Турецкаго; и это возстановленіе обители опять отцу же Арсенію было поручено старцами Аѳонскими. И какъ радостно и энергично принялся о. Арсеній за ея возстановленіе! И къ великому его утѣшенію, при помощи Божіей, Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь сталъ быстрыми шагами идти къ своему возстановленію! *) Мая 31 дня 1876 года ново-возстановляемый монастырь былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Константина Николаевича и Константина Константиновича,

*) Потребныя свѣдѣнія о семъ монастырѣ желающіе могутъ получить въ изданной о. Арсеніемъ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь, находящійся на Кавказѣ близъ Сухума». Въ составѣ «Душеполезныхъ Размышленій» Аѳонскаго изданія за 1879 годъ помѣщена и эта брошюра.

при возвращеніи ихъ изъ Батума. Живописное мѣстоположеніе монастыря и быстро возникшія послѣ Турецкаго раззоренія постройки привлекли особое вниманіе высокихъ посѣтителей. Аѳонскіе иноки, съ о. Арсеніемъ во главѣ, удостоены были отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ милостивыхъ благожеланій преуспѣянія въ дальнѣйшемъ устроеніи монастыря и въ просвѣтительной его дѣятельности.

Съ порученіемъ о. Арсенію дѣла послушанія на Кавказѣ, заставлявшаго его предпринимать частыя путешествія, то на самый Кавказъ,—къ мѣсту ново-созидаемой, и потомъ возстановляемой, послѣ разгрома Турецкаго, обители, то въ Петербургъ, то на св. Аѳонъ, мы уже рѣдко стали видѣться лично съ о. Арсеніемъ: но тѣмъ явственнѣе для насъ становилось постепенное распаденіе въ немъ его «земной храмины, его внѣшняго, ветхаго человѣка».

Чѣмъ рѣже мы видѣлись съ о. Арсеніемъ, тѣмъ яснѣе видѣли, какъ все болѣе и болѣе онъ сѣдѣетъ и худѣетъ. Тѣлесныя силы его, какъ извѣстно были немощныя и, само собою понятно, не могли безслѣдно пройти для

нихъ тѣ невзгоды, тѣ душевныя потрясенія, которыя пришлось ему, волею судебъ Божіихъ, испытать, при дѣлѣ своего столь сложнаго и многообразнаго послушанія. Въ долгихъ и частыхъ своихъ путешествіяхъ, самихъ по себѣ уже утомительныхъ, о. Арсенію, кромѣ различныхъ душевныхъ тревогъ, неоднократно приходилось подвергаться и физическимъ опасностямъ и несчастіямъ. Такъ однажды на пути отъ Поти до Сухума, на пароходѣ по Черному морю, онъ съ своими спутниками едва не потонулъ, и одной милости Божіей приписывалъ послѣ избавленіе свое отъ явной опасности. Такой же опасности подвергался онъ въ 1878 году въ морскомъ путешествіи своемъ къ св. Аѳону и о семъ написалъ такъ къ одному лицу: «милостію Божіею я достигъ благополучно св. Аѳона, прибылъ сюда 25 Іюля; въ путешествіи по Черному морю и Архипелагу я выдержалъ сильную качку. Въ одномъ мѣстѣ, по неимѣнію парохода, верстъ на 100 довелось пуститься въ открытое море на небольшой лодкѣ и, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, лодочка ежеминутно была въ опасно-

сти опрокинуться въ море, но Богъ сохранилъ. Такое затруднительное путешествіе по случаю бывшей войны, а когда утвердится миръ, то будетъ пароходное сообщеніе, какъ и было до войны».

Въ началѣ осени 1879 года о. Арсеній въ Петербургѣ нечаянно споткнулся, упалъ и ушибъ ногу, такъ что принужденъ былъ отъ боли ея обратиться къ помощи врача и, по совѣту его, довольно продолжительное время не выходить никуда.

И самъ о. Арсеній, въ пребываніе свое на Аѳонѣ въ 1878 году, какъ бы предчувствовалъ, что онъ болѣе не увидитъ возлюбленнаго своего Аѳона, что въ послѣдній уже разъ посѣщаетъ его. По выѣздѣ его съ Аѳона въ томъ же 1878 году, послѣ храмоваго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, нашли въ келліи его запечатанный пакетъ съ такою надписью: «прошу распечатать и прочитать по смерти моей. Іеромонахъ Арсеній». — По смерти его, согласно его желанію, старцами Аѳонскими и былъ распечатанъ пакетъ. И что же въ немъ оказалось?

Духовное завѣщаніе, собственноручно написанное о. Арсеніемъ. Вотъ это завѣщаніе:

«Святые отцы, батюшка, о. духовникъ Іеронимъ и батюшка игуменъ Макарій! Благословите именемъ Господнимъ! Когда распечатаете это письмо, то меня уже не будетъ на землѣ. Богъ вѣсть, кто изъ насъ кого переживетъ. Его святая власть!

Прошу во всемъ отеческаго благословенія и разрѣшенія. По милости Божіей, я отъ васъ никакихъ секретовъ не имѣлъ и не имѣю. Это очень облегчало путь моей немощной жизни. Васъ имѣю въ сердцѣ моемъ, какъ первыхъ на землѣ благодѣтелей моихъ. Вы, по милосердію Божію, научили меня знать Бога, любить Его и Пречистую Его Матерь и каяться въ моихъ грѣхахъ.

Безъ сомнѣнія, я могъ бы быть болѣе полезнымъ и для обители и для души своей, но моя немощь и любленіе плоти склоняли меня къ небреженію и лѣности. Раздражительность, по дѣйствію діавольскому, и прочія грѣховныя мои страсти вамъ извѣстны, во всемъ прошу прощенія и разрѣшенія. Въ послѣднее время я удостоиваемъ былъ особаго благоволенія и милосердія отъ небесной

нашей Владычицы, хотя и недостоинъ, но имѣю великую надежду на Ея матернее милосердіе и ходатайство. Уповаю, что не лишенъ буду вашихъ св. отеческихъ молитвъ. Простите за малое писаніе. Собираюсь на Кавказъ. Можетъ, по времени, еще что напишу. Недостойный послушникъ вашъ, убогій іеромонахъ Арсеній. 2 октября 1878 г. вечеръ. Св. Аѳонъ» *).

*) Со времени пребыванія въ Москвѣ Аѳонской святыни, о. Арсеній почти всѣ предшествующіе 1878-му годы, а также и въ 1879 году праздникъ св. великом. и цѣлителя Пантелеимона проводилъ въ Москвѣ. Въ Москов. Епарх. Вѣдом. своевременно печатались описанія Великомученическаго въ Богоявленскомъ Монастырѣ праздника.—Въ сей праздникъ, какъ накануѣ всенощное бдѣніе, такъ и въ самый праздникъ одну изъ литургій совершалъ почти каждый годъ соборнѣ одинъ изъ преосвященныхъ викаріевъ, и о. Арсеній, по большей части, былъ одинъ изъ сослужащихъ съ архіереемъ.—Проведя въ 1878 году Великомученическій праздникъ на Аѳонѣ, о. Арсеній въ описаніи сего праздника, помѣщенномъ въ 7-мъ выпускѣ издаваемыхъ имъ «Душеполезныхъ Размышленій» того же 1878 года, въ заключеніе пишетъ, какъ бы въ предчувствіи скорой своей кончины: «да сподобимся и мы грѣшные, слабые, немощные, хотя въ числѣ послѣднѣйшихъ, быть тамъ, гдѣ струятся потоки райской сладости, гдѣ ликованіе непрестанное веселящихся и славящихъ Господа».

Въ книжкѣ, гдѣ, обыкновенно о. Арсеній записывалъ разныя изъ прочитанныхъ имъ, достойныхъ вниманія и памяти изреченій, находимъ слѣдующее: «Прошу и молю всѣхъ, любящихъ мя, помолитесь о мнѣ Христу Богу, да вчинитъ смиренную душу мою, идѣже свѣтъ небесный, идѣже жизнь безконечная».

Предчувствіе скораго отшествія изъ сего міра не обмануло батюшку о. Арсенія. Какъ въ 1878 году онъ въ послѣдній разъ провелъ Великомученическій праздникъ на св. Аѳонѣ, такъ въ 1879 году въ послѣдній разъ провелъ сей праздникъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Господу благоугодно было въ скоромъ времени вѣчно упокоить вѣрнаго и неутомимаго труженика Своего; и упокоить не въ другомъ какомъ городѣ Россіи, а именно въ Москвѣ, гдѣ благоволила постоянно обитать Аѳонская святыня, которую сопровождалъ онъ по городамъ и весямъ Россіи,—въ Москвѣ, преимущественномъ мѣстѣ и, можно сказать, главномъ центрѣ его дѣятельности.

По возвращеніи въ 1878 году съ Аѳона, о. Арсеній, какъ упомянулъ онъ въ своемъ завѣщаніи, отправился прямо на Кавказъ, въ ново-устрояемую обитель, которой предназначался старцами Аѳонскими быть настоятелемъ. Старцы Аѳонскіе цѣнили многополезную его дѣятельность и въ 1878 году, въ достойное

воздаяніе его заслугъ, наградили его, имѣвшаго уже набедренникъ, еще «палицею»—въ ознаменованіе того духовнаго, побѣдоноснаго меча слова Божія, которымъ онъ устно и письменно отражалъ невѣріе и нечестіе. Ободренный и утѣшенный милостивымъ благоволеніемъ къ себѣ старцевъ, о. Арсеній, какъ бы съ новыми силами, принялся за обычную свою дѣятельность и въ неожиданномъ посѣщеніи Ново-Леонской обители Великими Князьями (о чемъ было сказано выше) увидѣлъ знаменіе благоволенія къ себѣ Божія. Печать благословенія Божія видимо пребывала на немъ и дѣлахъ его, и въ праздникъ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона мы видѣли его довольно веселымъ и радостнымъ: но дни земной странической жизни его въ судьбахъ Промысла Божія были уже сочтены. Какъ выше упомянуто было, въ началѣ осени 1879 года о. Арсеній, идя по улицамъ Петербурга, нечаянно споткнулся, упалъ и ушибъ себѣ ногу. Нога его такъ разболѣлась, что онъ принужденъ былъ, по совѣту врача, довольно продолжительное время не выходить изъ келліи. Съ теченіемъ времени, боль

въ ногѣ, прошедшая было, возобновилась съ новою и большею силою и о. Арсеній нашелъ болѣе для себя удобнымъ заняться надлежащимъ излеченіемъ ея въ Москвѣ, куда и прибылъ вскорѣ и остановился, дабы не быть развлекаемымъ многообразными посѣтителями, въ монастырскомъ домѣ на Полянкѣ, въ приходѣ Успенской, въ Казачей церкви,—бывшемъ Сушкина. Отъ боли ноги ходить онъ уже не могъ и поспѣшилъ обратиться за помощію и совѣтомъ къ знаменитому хирургу Новоекатерининской больницы г. Новацкому. «Ваше превосходительство многоуважаемый Иванъ Николаевичъ»!—такъ отъ 24 октября написалъ онъ къ доктору письмо. «Вотъ уже 10 дней лежу, а нога моя не улучшилась *), и въ такое пришла состояніе, что никакъ не могу на нее наступить, хотя и нѣтъ особой боли. Не потрудитесь ли указать: къ кому изъ докторовъ мнѣ обратиться съ просьбою о помощи? Простите утруждающаго васъ, имѣю честь быть смиренный богомолецъ і. Арсеній».

*) Видно г. Новацкій былъ прежде знакомъ съ о. Арсеніемъ и зналъ о его болѣзни, а можетъ быть, и давалъ для ноги его какое либо лѣкарство.

Какъ явствуетъ изъ письма, о. Арсеній, при всемъ знакомствѣ своемъ съ г. Новацкимъ, не смѣлъ, по смиренію своему, прямо просить его о помощи, и даже не отдумалъ ли, по тому же смиренію, посылать это письмо, такъ какъ оно обрѣталось въ подлинникѣ въ его бумагахъ? Не знаемъ кто изъ докторовъ пользовалъ о. Арсенія. Но только боль въ ногѣ его уничтожилась и могъ онъ ходить, и тогда тотчасъ принялся онъ за обычную свою дѣятельность; но дѣятельность эта продолжалась уже самое краткое время. Ноября 15 дня заболѣлъ онъ острымъ воспаленіемъ легкихъ и принужденъ былъ слечь въ постель. Тутъ ужъ о. Арсеній понялъ, что Господь воззываетъ его къ Себѣ. И поспѣшилъ извѣстить о себѣ Аѳонскихъ старцевъ и испросить у нихъ послѣдняго прощенія и благословенія.

«Ваше высокопреподобіе, всечестнѣйшій батюшка, о. архимандритъ Макарій и батюшка, о. духовникъ Іеронимъ!—Благословите»! Такія строки подъ диктовку слабаго его голоса написалъ одинъ изъ его келейниковъ. «Я очень опасно заболѣлъ и едва ли останусь живъ. Прошу вашего прощенія, благо-

словенія и св. молитвъ вашихъ! Я, при помощи Божіей, всегда старался исполнять вашу волю и свое послушаніе. Касательно себя предаю все волѣ Божіей. Для меня безразлично, гдѣ не умереть, но желалъ бы пожить, ради св. послушанія. Припадаю къ честнымъ стопамъ вашимъ и приношу мою глубокую сыновнюю благодарность за ваше отеческое попеченіе и святое руководство на многотрудномъ пути иноческой жизни, вводящемъ въ животъ вѣчный. Простите, пишу кратко, затрудняюсь даже диктовать». Подъ сими строками съ величайшимъ трудомъ онъ подписалъ: «недостойный послушникъ вашъ, іеромонахъ Арсеній».

Около тяжко заболѣвшаго батюшки, какъ дѣти около любимаго отца, собрались многіе изъ духовно-близкихъ къ нему свѣтскихъ лицъ обоего пола и сидѣли поодаль отъ него, дабы его не безпокоить,—возпося съ крестнымъ знаменіемъ молитву ко Господу Богу о его выздоровленіи. Больной все болѣе и болѣе сталъ слабѣть и врачи, пользовавшіе его, просили его быть, какъ можно, покойнѣе и строго запретили посторонним вступать съ нимъ въ раз-

говоръ. Но духовный пастырь, окруженный преданными ему словесными овцами, и вовратахъ смерти своей не утерпѣлъ, чтобы не преподать имъ какого либо назиданія. Подозвавъ къ себѣ къ кровати М. А. К-на, онъ тихо шопотомъ сказалъ ему: «вы видите, Михаилъ Александровичъ, я боленъ и умираю, но также видите, что я въ просторной и теплой комнатѣ, окруженъ попечительностію и около меня бываютъ доктора: а сколько на свѣтѣ бѣдныхъ больныхъ, которые томятся въ тѣсной и сырой каморкѣ и не въ состояніи пригласить доктора? Какъ для души хорошо достаточнымъ людямъ таковымъ безпомощнымъ больнымъ оказать потребную имъ помощь! Ахъ, дѣла христіанскаго милосердія выше всѣхъ прочихъ добродѣтелей предъ Господомъ Богомъ»! Когда больному батюшкѣ нѣкоторые стали высказывать свое соболѣзнованіе объ его болѣзни,—«напрасно, не печальтесь», сказалъ онъ, «на все воля Божія». Больнаго посѣтили въ разное время оба преосвященные викаріи московскіе и тѣмъ какъ бы благословили его въ вѣчность. Неоднократно пріобщался онъ св. Христовыхъ Таинъ, таинство же св. елеосвященія было совершено надъ нимъ соборнѣ, при Леонской святынѣ. Весьма жалѣлъ онъ, что Господь не судилъ ему принять схиму. Ноября 17-го дня совершено было надъ нимъ молитвенное послѣдованіе на «исходъ души» и около двухъ часовъ дня онъ мирно почилъ о Господѣ. «Смерть его, поистинѣ, была смерть праведника», сказалъ одинъ изъ пользовавшихъ его врачей. Согласно желанію почившаго, отпѣваніе и погребеніе тѣла его были совершены ноября 19 дня въ московскомъ Крестовоздвиженскомъ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Богослуженіе совершалъ преосвященнѣйшій Алексій епископъ можайскій, викарій московскій соборнѣ съ двумя архимандритами, Высокопетровскаго монастыря о. Григоріемъ и Старо-Іерусалимскаго подворья о. Никодимомъ и со многими протоіереями, іеромонахами и іереями. Въ храмѣ въ числѣ собравшихся съ разныхъ концовъ Москвы почитателей почившаго, поспѣшившихъ отдать ему послѣднее христіанское цѣлованіе, было много изъ знатныхъ свѣтскихъ лицъ. Матеріалистическое направленіе вѣка сего и свѣтлый образъ по-

чившаго инока—подвижника и его благой дѣятельности были прекрасно очертаны въ надгробномъ словѣ произнесенномъ за литургіей Успенскимъ, въ Казачей, о. протоіереемъ А. С. Ильинскимъ. Достоподражательныя характерныя черты почившаго весьма назидательно высказаны были потомъ въ надгробной рѣчи, произнесенной во время отпѣванія, московскаго Богоявленскаго монастыря духовникомъ о. іеромонахомъ Пантелеимономъ. Это слово и рѣчь, равно какъ и довольно подробное изложеніе его смерти и погребенія, помѣщены въ брошюрѣ Аѳонскаго изданія подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе монашествующей братіи при часовнѣ Русскаго Пантелеимонова монастыря о послѣднихъ годахъ и дняхъ жизни Аѳонскаго іеромонаха о. Арсенія и изложеніе обстоятельствъ его кончины и погребенія». Брошюра эта, первоначально изданная особо взошла послѣ въ составъ Аѳонскихъ «Душеполезныхъ Размышленій» за 1879 годъ *).

Въ 9-й день, по кончинѣ о. Арсенія, а также въ годовщину памяти его, поминовенная

*) *Слово* и *Рѣчь* въ концѣ сей книги прилагаются.

по немъ литургія и панихида были совершены соборнѣ въ московскомъ мужскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, настоятелемъ онаго, преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ.

Какихъ отъ роду лѣтъ померъ батюшка о. Арсеній?—Выше было упомянуто, что онъ родился въ 1823 или въ 1824 году въ августѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно скончался онъ 55-ти или 56 лѣтъ отъ роду. На крестѣ поставленномъ на его могилѣ показано ему 56 лѣтъ. «Скончався вмалѣ онъ, исполни лѣта долга, угодна бо бѣ Господеви душа его; сего ради потщася отъ среды лукавствія, да не злоба измѣнитъ разума его, или лесть прельститъ душу его».

Симъ изреченіемъ премудраго Соломона, заканчиваемъ свой біографическій очеркъ незабвенной памяти батюшки о. Арсенія. Великихъ мужей трудно описывать. Сознаемъ вполнѣ скудость своего труда и боголюбивыхъ почитателей памяти о. Арсенія, для которыхъ и по просьбѣ которыхъ составленъ, при помощи Божіей, сей біографическій очеркъ, опять усерднѣйше просимъ не взыскать, если

встрѣтятъ въ немъ какія либо неточности, а можетъ быть и неправильности, особенно въ описаніи мірской жизни почившаго. Очень бы хорошо было, для цѣльнаго изображенія характерныхъ чертъ души его, собрать его письма къ преданнымъ ему лицамъ и печатать ихъ, для общаго назиданія, въ издаваемыхъ Аѳонскихъ «Душеполезныхъ Размышленіяхъ». Съ своей стороны, мы съ удовольствіемъ дали бы для печати нѣсколько писемъ: такъ они духовноназидательны, такъ смиренны!

Слово есть выраженіе души. Вотъ почему «устнѣ мужей праведныхъ, по ученію Премудраго, каплютъ благодать, уста же нечестивыхъ развращаются».

Священникъ Николай Воиновъ.

СЛОВО

сказанное протоіереемъ о. Александромъ Ильинскимъ.

Въ наше время обращается въ обществѣ не мало мнѣній и убѣжденій, которыя будучи противны ученію и преданіямъ Православной Церкви, могутъ быть объяснены только невѣріемъ и матеріалистическимъ направленіемъ вѣка. Къ числу такихъ убѣжденій, порожденныхъ духомъ времени, слѣдуетъ отнести съ одной стороны рабское преклоненіе предъ насущными, исключительно матеріальными потребностями, удовлетвореніемъ которыхъ будто бы исчерпываются всѣ существенныя задачи человѣческаго бытія, а съ другой почти совершенное отрицаніе всего того, что въ какомъ либо отношеніи возвышается надъ областію матеріальныхъ потребностей. Люди вѣка сего подозрительно и съ недовѣріемъ смотрятъ на всякое лицо, всякое дѣйствіе и учрежденіе, которое преслѣдуетъ иныя цѣли— не матеріальныя, но духовныя и нравственныя; такое стремленіе къ тому, что невидимо и неосязаемо для чувствъ, что въ тѣс-

номъ практическомъ смыслѣ болѣе или менѣе безполезно, кажется людямъ вѣка не понятнымъ не естественнымъ и вреднымъ,—почему и подвергается отъ нихъ всевозможнымъ нападкамъ, подозрѣніямъ и порицаніямъ. Подобнымъ нападкамъ едва-ли не чаще и не болѣе всего подвергается и иночество, какъ учрежденіе, которое прямо заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ, чтобы они лично для себя ничего не искали въ мірѣ—ни выгодъ, ни удобствъ, пренебрегали даже естественными требованіями плоти, и, отрѣшаясь отъ плоти и отъ міра, проводили жизнь преимущественно духовную, упражняя себя въ молитвѣ, богомыслін, въ подвигахъ добродѣтели и посвящая себя всецѣло на служеніе Богу и спасеніе ближнихъ. Люди вѣка никакъ не хотятъ признать разумности и законности подобнаго учрежденія, не хотятъ видѣть въ немъ явленія совершенно естественнаго, вполнѣ отвѣчающаго духовнымъ требованіямъ человѣческой природы,—явленія при томъ высокаго по своему внутреннему достоинству и благотворнаго по своему нравственному значенію и вліянію на общество. Они смотрятъ на

иночество, какъ учрежденіе случайное и временное, которое было вызвано обстоятельствами и потребностями временными и случайными и которое теперь будто бы уже отжило свой вѣкъ. Здѣсь не мѣсто и не время входить въ препирательство съ людьми этого направленія. Всѣ мы собравшіеся въ эту обитель иночества, чтобы отдать послѣдній долгъ христіанской любви почившему отъ трудовъ иноческихъ, вполнѣ убѣждены въ высокомъ значеніи иночества какъ для самихъ иноковъ, такъ и для насъ живущихъ въ мірѣ. Для иноковъ, возлюбившихъ иночество и живущихъ по уставу иноческаго житія,—это есть вѣрный и вполнѣ благонадежный путь восхожденія къ высшему совершенству—отъ земли на небо, и для всѣхъ мірскихъ людей постоянное и громкое напоминаніе о томъ, что не должно порабощать себя плоти, не должно предаваться житейской суетѣ, но отдавая должное и землѣ, не забывать въ то же время единаго на потребу,—не забывать того, что мы всѣмъ сердцемъ должны служить Господу, исполнять Его святыя заповѣди и тѣмъ самымъ постоянно приготовлять себя къ

вѣчности. Убѣждены мы также и въ томъ, что никогда, пока будетъ существовать на землѣ Церковь Божія, не оскудѣетъ духъ иночества, всегда будутъ люди готовые и способные предпочесть небесное земному, вѣчное временному,—люди которые призваніемъ отъ природы или путями Промысла Божія могутъ быть предрасположены къ тому, чтобы добровольно возложить на себя и съ терпѣніемъ нести нелегкій подвигъ иноческаго послушанія, цѣломудрія и нестяжательности. Эти-то избранники Божіи и составляютъ лучшее украшеніе и какъ бы цвѣтъ иночества и лучшее оправданіе его предъ лицемъ міра и мірской мудрости.

Къ лику сихъ избранныхъ иноковъ, кажется, не обинуясь мы можемъ присоединить и почившаго новопреставленнаго раба Божія іеромонаха Арсенія; это поистинѣ былъ инокъ по призванію; не нужды, и не случайныя обстоятельства привели его въ монастырь, но, какъ видно, внутренняя потребность и добровольное желаніе высшей и совершеннѣйшей жизни. Вступая въ монастырь, онъ ищетъ не безбѣднаго и спокойнаго существованія, но труда и подвига,—и вотъ почему, безъ сомнѣнія, вмѣсто обителей близкихъ и въ землѣ родной, онъ мѣстомъ подвига избираетъ обитель, хотя и родственную по духу, но отдаленную, находящуюся въ земли чуждой и подъ игомъ невѣрныхъ,—это обитель Св. Великомученика Пантелеимона. Сія обитель тѣмъ особенно дорога для сердца русскаго, что въ ней иконы подвизаются преимущественно русскіе иноки и что она принадлежитъ къ столь прославленной въ лѣтописяхъ иночества св. горѣ Аѳонской, откуда первоначальникомъ иночества русскаго принесено было къ намъ первое благословеніе на учрежденіе онаго въ Россіи. Самое вступленіе въ обитель почившій ознаменовалъ подвигомъ: онъ принесъ ей въ жертву не только свою волю, но и свое достояніе, которое было скоплено честными трудами нѣсколькихъ лѣтъ и могло служить достаточнымъ обезпеченіемъ отъ нужды. Этотъ добровольный подвигъ былъ только началомъ многихъ дальнѣйшихъ подвиговъ на пользу обители, совершенныхъ имъ изъ послушанія. Обитель, принявшая подвижника, была чтима

на всемъ Аѳонѣ по своей святынѣ, такъ какъ здѣсь обрѣтается честная глава угодника Божія Великомученика Пантелеимона, между монастырями Аѳонскими она славилась своею древностію, а еще болѣе своимъ общежительнымъ устройствомъ, но въ тоже время она находилась въ упадкѣ,—ей недоставало средствъ какъ для своего содержанія, такъ и для поддержанія въ должномъ благоустройствѣ принадлежащихъ ей зданій и разныхъ благотворительныхъ учрежденій ею заведенныхъ;— и вотъ вмѣсто успокоенія въ сей обители отъ житейскихъ заботъ и треволненій, чего искалъ почившій, и вмѣсто упражненія въ трудахъ и подвигахъ духовныхъ, къ чему онъ стремился, Господь судилъ ему принять на себя особый трудъ, трудъ тяжелый, безпокойный, сопряженный съ непріятностями и лишеніями всякаго рода: по желанію и просьбѣ братіи онъ долженъ былъ отправиться въ Россію для сбора пожертвованій на поддержаніе и устройство обители. Хотя это послушаніе и удаляло его изъ монастыря, столь ему дорогаго, разлучало его съ нимъ на долго, быть можетъ на всегда, какъ это и случилось, од-

нако было принято оно почившимъ труженикомъ съ покорностію и усердіемъ достойными удивленія. Бывъ отпущенъ изъ монастыря съ частію мощей Св. Угодника, онъ съ ввѣренной ему святыней въ продолженіи многихъ лѣтъ неутомимо странствовалъ по Россіи и трудился на пользу обители, не зная покоя и отдыха. Такіе великіе труды и такое необычайное усердіе Господь вознаградилъ съ избыткомъ: не только его неусыпными заботами обитель была устроена, обезпечена и приведена въ цвѣтущее состояніе, но его и самаго Господь, дивный во святыхъ Своихъ, сподобилъ быть свидѣтелемъ и какъ бы нѣкоторымъ орудіемъ прославленія въ землѣ Русской и преимущественно въ сердцѣ Россіи—Москвѣ угодника Своего Великомученика Пантелеимона.

Въ послѣднее время обителью возложено было на него еще новое послушаніе и вмѣстѣ новый трудъ насадить и укоренить въ землѣ русской—на далекомъ юговостокѣ отпрыскъ своей обители со всею строгостію общежительнаго иноческаго чина Аѳонскаго;— и трогательно было видѣть, съ какою любо-

вію и усердіемъ онъ исполнялъ это порученіе, какъ радовался его осуществленію, и какъ въ тоже время высоко понималъ призваніе водворяемаго имъ тамъ иночества. По мысли его Симоно-Кананитскій монастырь въ Абхазіи долженъ былъ сдѣлаться по преимуществу учительнымъ и служить къ просвѣщенію Кавказскихъ горскихъ племенъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ, подъ игомъ ислама.

Но не ограничивалась его дѣятельность и его подвиги только исполненіемъ возлагаемыхъ на него монастыремъ послушаній: онъ еще находилъ и время и усердіе принимать на себя труды добровольные во славу Божію и на пользу ближнихъ. Такъ между прочимъ онъ занимался изданіемъ полезныхъ для народа духовнонравственныхъ бесѣдъ и листковъ, и въ этомъ отношеніи потрудился не мало и оставилъ по себѣ память не скудную. Готовъ онъ былъ въ этомъ направленіи трудиться дальше: ревнуя о спасеніи ближнихъ, онъ имѣлъ намѣреніе издать въ свѣтъ книгу, которая заключала бы въ себѣ самое полное сказаніе о лицѣ и жизни І. Христа, гдѣ по возможности были бы собраны всѣ свѣдѣнія

о Немъ, какія только могутъ быть заимствованы изъ источниковъ какъ христіанскихъ, такъ и не христіанскихъ. Такая книга въ настоящее смутное для вѣры время была бы во многихъ отношеніяхъ весьма полезна:— для вѣрующихъ она могла бы служить щитомъ противъ невѣрія, для маловѣрующихъ утвержденіемъ, а для невѣрующихъ обличеніемъ. Но Господь не судилъ ему совершить это прекрасное намѣреніе: преждевременная смерть положила конецъ всѣмъ его трудамъ и стараніямъ, какъ о пользахъ своей обители, такъ и вообще о благѣ ближнихъ.

Я чувствую, что я слишкомъ мало сказалъ объ этомъ замѣчательномъ инокѣ труженикѣ: для полноты его нравственнаго образа слѣдовало бы указать отличительныя черты его характера и его внутренней духовной жизни, въ которыхъ столько было общеназидательнаго. Но къ сожалѣнію я слишкомъ недавно узналъ его, чтобы могъ говорить обо всемъ этомъ съ убѣжденіемъ. Пусть тѣ, которые имѣли возможность знать почившаго лучше и больше меня, сами припомнятъ какъ для утѣшенія, такъ и для назиданія все, что только было

въ немъ нравственно чистаго, добраго и назидательнаго. Да пребываетъ же память о почившемъ съ похвалами и вмѣстѣ да не оскудѣваетъ у насъ никогда духъ истиннаго иночества!

Миръ праху твоему досточтимый отецъ и собратъ нашъ! Да проститъ тебѣ Господь вольные и невольные грѣхи и да упокоитъ тебя Онъ отъ трудовъ земнаго пришельствія въ своихъ небесныхъ и вѣчныхъ обителяхъ, идѣже пребываютъ вси праведніи, и да сотворитъ тебѣ вѣчную память. Аминь.

Р Ѣ Ч Ь

произнесенная іеромонахомъ Пантелеимономъ.

Возлюбленный, почившій о Господѣ собратъ нашъ! Ты хотя и не принадлежалъ къ братіи обители нашей св. Богоявленія; но будучи принятъ какъ странникъ св. горы Аѳонской, пребывалъ въ ней часто, а иногда и по многу гостилъ въ оградѣ св. обители нашей, всегда участвуя въ общихъ молитвахъ съ нами и сослужа вмѣстѣ у престола Божія. Твой кроткій характеръ, всегда ласковое обращеніе съ

братіею сблизили насъ съ тобою такъ, что вѣсть о неожиданной кончинѣ твоей преисполнила горестію сердца наши и исторгнула слезы, какъ о потерѣ нашего роднаго брата и друга. Не прошло и недѣли, какъ мы видѣли тебя священнодѣйствующаго, довольно еще бодраго и спокойнаго духомъ! И вотъ теперь видимъ лежащаго хладнымъ и безгласнымъ. О чудесе! Что сіе еже о насъ бысть таинство, како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти, воистинну Бога повелѣніемъ.... Но позволь возлюбленный собратъ нашъ, при твоемъ гробѣ воспомянуть нѣчто изъ твоей жизни, чтобы намъ почерпнуть изъ оной уроки для жизни, которую мы еще преплываемъ обуреваемые напастьми житейскими. Что же виднѣе всего было въ жизни твоей? Какая особенно добродѣтель, болѣе другихъ, высказывалась въ характерѣ твоемъ? Это безпримѣрная любовь твоя къ своей обители, а отсюда и любовь ко всѣмъ ближнимъ. При своей строгой аскетической жизни, будучи слабъ тѣломъ, ты былъ силенъ духомъ. Желаніе дѣлать добро воодушевляло тебя, и ты какъ на крыльяхъ леталъ съ сѣвера на югъ,

и съ юга опять на сѣверъ, и всегда бодрый и веселый. Причина самой смерти твоей, если судить по нашему, была опять забота твоя о пріютѣ, который ты намѣревался открыть для бѣдствующихъ. Твоими неутомимыми трудами и непрестанными путешествіями св. обитель св. Великомученика Пантелеимона процвѣтаетъ и красуется среди обителей св. горы Аѳонской. Какихъ трудовъ стоило тебѣ, напримѣръ, сооруженіе часовни въ здѣшней столицѣ! Какихъ трудовъ стоило тебѣ опять устроеніе Ново-Аѳонской обители въ Абхазіи, гдѣ ты провелъ долгое время неутомимо занимаясь первоначальною постройкою ея! Но всѣ твои труды и старанія объ улучшеніи св. обители своей и успокоеніи братіи живущей въ ней, были освящены любовію къ ближнимъ. У тебя небыло ни одного предпріятія, которое бы не имѣло концемъ своимъ пользу ближняго. На нашихъ глазахъ сколько было роздано тобою лично бѣднымъ жителямъ столицы нашей. Всякій нуждающійся въ помощи. кто бы онъ ни былъ, никогда не отходилъ тощь отъ тебя. Помогая ближнимъ вещественно, ты особенное

имѣлъ попеченіе о спасеніи душъ ихъ. Сколько высказано было тобою полезныхъ совѣтовъ, сколько было издано тобою печатныхъ душеспасительныхъ книжекъ, которыя ты раздавалъ безплатно. Словомъ вся твоя жизнь, истинно страдническая, была преисполнена любовію къ Богу и ближнему своему.

Посему не въ одной столицѣ нашей, но во многихъ градахъ и весяхъ, когда дойдетъ печальная вѣсть о твоей внезапной кончинѣ, прольется не одна слеза съ молитвою о упокоеніи души твоей. Но въ сей краткой рѣчи невысказать мнѣ всего того что было сдѣлано полезнаго твоими неусыпными трудами и стараніями.

Плоды трудовъ твоихъ уже сильно говорятъ, и еще долго будутъ говорить о тебѣ какъ о преданнѣйшемъ сынѣ св. горы Аѳонской.

Братія, жизнь почившаго собрата нашего да научитъ какъ быть и въ монастырѣ монахомъ, и быть полезнымъ всякому ближнему. Чѣмъ полезнымъ? Благимъ и мудрымъ совѣтомъ своей жизни. Къ намъ, преимущественно къ намъ должны относиться слова сказанныя

Спасителемъ ученикамъ Его: *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла: и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. 5, 16).

Русскій народъ и теперь еще любитъ и уважаетъ монашество, и во время несчастій и невзгодъ житейскихъ соотечественники спѣшатъ въ монастыри помолиться, высказать старцамъ свои невзгоды, повѣрить свои совѣсти, и, спросивъ ихъ совѣтовъ и молитвъ, возвращаются въ домы свои совсѣмъ успокоенными, и какъ бы обновленными. Будемъ же стараться, чтобы жизнь наша служила примѣромъ для ближнихъ какъ была примѣромъ жизнь почившаго собрата нашего.

Возлюбленный, почившій о Господѣ собратъ нашъ! Св. Великомученикъ Пантелеимонъ, объ обители котораго ты такъ заботился, да восполнитъ своими молитвами недостатки въ жизни твоей на мытарствахъ, которыми душа твоя проходитъ въ сіи минуты, какъ покрывалъ Василій угодникъ Божій недостатки послужившей ему въ земной жизни блаженной Ѳеодоры. И мы, братія, съ своей стороны будемъ умолять Господа, да проститъ

Онъ ему всякое согрѣшеніе вольное и невольное, и упокоитъ душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси святіи упокоеваются.

Но и ты возлюбленный собратъ нашъ, если будешь имѣть дерзновеніе у Господа, молись о возлюбленной своей Аѳонской обители, воспомяни и обитель съ братіею, которая и приняла и упокоила тебя какъ странника, дабы и мы когда приближимся ко вратамъ гроба, могли тихо и мирно предать духъ свой Богу.